

УДК 94(575.2):340.141

**О “ШАРИАТИЗАЦИИ” СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ
КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА (1865–1917 гг.)**

А.Л. Салиев

Рассматриваются проблемы влияния мусульманского права (шариата) на судопроизводство по обычному праву (адату) кочевых народов Туркестана.

Ключевые слова: Туркестан; обычное право (адат); мусульманское право (шариат); шариатизация; кочевники; кыргызы; казахи.

**ABOUT “SHARIATIZATSIYA” (IMPLEMENTATION OF SHARIA PRINCIPLES)
OF JUDICIAL PROCEEDINGS BASED ON CUSTOMARY LAW
OF TURKESTAN NOMADIC PEOPLE (1865–1917)**

A.L. Saliev

It is considered the problems of Muslim law (Sharia) influence on judicial proceedings based on customary law (adat) of Turkestan nomadic people.

Key words: Turkestan; customary law (adat); Muslim law (Sharia); Shariatizatsiya (implementation of Sharia principles); nomads; the Kyrgyz; the Kazakhs.

“Шариатизация” как проникновение норм мусульманского права (шариата), его влияние на судопроизводство кочевых народов Туркестана по обычному праву (адату) была замечена царской администрацией региона фактически изначально. Однако, занимаясь устройством управления вновь присоединенными территориями Средней Азии, царизм не придавал этому явлению должного внимания, хотя начальники уездов областей края в своих отчетах о нем иногда свидетельствовали. Ситуация была неоднозначной: в Семиреченской области, населенной преимущественно кочевниками (кыргызами и казахами), “шариатизация” кочевого судопроизводства была латентной, в Сырдарьинской области она имела место в основном там, где номады имели постоянные контакты с оседлым, “твердым” в вере и шариате, населением (Аулиеатинском, Чимкентском и Кураминском уездах)¹. Но и здесь ситуация в указанном отношении не была тревожащей. Положение изменилось после того, как в начале 1876 г., когда сотрясаемое разрушительным восстанием

¹ Кураминским до вступления в действие “Положения об управлении Туркестанским краем” 1886 года назывался Ташкентский уезд – А.С.

1873–1875 гг. Кокандское ханство было ликвидировано царизмом, а на его территории была образована третья область Туркестанского генерал-губернаторства (края) – Ферганская, оседлое население которой (преимущественно, узбекское – отсталое и невежественное) отличалось особым, как тогда писали, “фанатизмом” в исламе². Соответственно, кочевое сообщество ханства (главным образом, кыргызы), страдавшее под жестоким игом узбекских ханов из династии Минг, не могло не испытать на себе влияние такого “фанатизма”, в том числе и в сфере своего традиционного судопроизводства.

Правительственный “ревизор” Туркестанского края в 1882–1883 гг., сенатор Ф.К. Гирс писал в своем “всеподданнейшем” отчете о том, что “вследствие постоянного соприкосновения с сарматами, киргизы Ферганской области утратили поня-

² См. : Именной, данный Сенату – Об порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 51. Отд. 1. 1876 год. СПб., 1878. № 55593. С. 139; Именной, объявленный Сенату товарищем Министра юстиции. – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 51. Отд. 1. 1876 год. СПб., 1878. № 55594. С. 139–140.

тие об адате и не только не прибегают к суду биев, но даже составляют общественные приговоры о замене их казиями, так что правильное сказать, суд биев в Ферганской области, за исключением трех волостей Ошского уезда, не существует”¹. Под “исключением” Гирс имел в виду волости Алайской долины, где абсолютно преобладало кочевое население, сохранявшее приверженность своему обычному праву (адату), слабо аффилированное в разного рода связи с оседлым мусульманским населением Ферганской долины. Шариатизации кочевников Алайской долины в рассматриваемый нами период во многом препятствовала правительница алайских кыргызов и хранительница традиционных устоев их быта, права и суда знаменитая Курбанджан-датка, которую не только народ, но и сами царские власти называли “царицей Алая”². Без малого через два десятилетия капитан А. Давлетшин, командированный военным министерством для проверки деятельности народных судов в Туркестанском крае и “степных” областях, указывал в своем отчете, что в кочевых народных судах Ферганской области местные кочевники (кыргызы – А.С.) уже стали переходить к шариатскому суду. Он писал о том, что и раньше кочевники этой области судились у биев, которые обширно применяли шариат и судили на основе смешанного адата с шариатом. Но в тех судах не было муфтиев. Теперь кочевники предпочитают вообще судиться у казиев. Он отмечал: “Народный суд кочевников Ошского уезда, по видимому, переживает переходное время от адата к шариату”³. При этом, однако, следует отметить, что Давлетшин в своем отчете оговаривался, отмечая, что он поверхностно изучил вопрос об ошских кыргызах, так как они, во время его пребывания в Ошском уезде, переселились на “летовки”⁴. Безусловно, в данном случае он имел в виду и алайских кочевников, сохранявших, как отмечалось выше, “адатное” судопроизводство фактически незыблемым.

¹ Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 325.

² См. об этом: *Плоских В.М.* Кыргызы и Кокандское ханство: взлет на политической арене Курбанджан датки / В.М. Плоских // Курбанджан датка – выдающийся политический и общенациональный деятель кыргызского народа: материалы Международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011. С. 42–49.

³ Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901. С. 41.

⁴ Там же.

Руководитель правительственной “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг., сенатор К.К. Пален писал о том, что “факт искусственного насаждения и быстрого распространения среди кочевников шариата знаменует собой... постепенное подчинение киргизского населения политическому влиянию исламистских течений татар и сартов, со всеми его новейшими тенденциями обособления от культурных начал Русской государственности”⁵. Он отмечал, что кризис обычного права (адата) побудил киргизов обратиться к шариату, однако при этом он серьезным образом не пояснял, как возник этот кризис и в чем он выражался. По его мнению, пока господствовало родовое начало, был силен и кочевой адат, “но с искусственным расчленением родов на волости и ослаблением власти родовичей стали исчезать и единство обычая, и, вместе с этим, его авторитет, подрыву которого немало способствовали произвольные, и нередко покоящиеся на соображениях корыстного свойства решения и толкования выборных судей новой формации”⁶. Это мнение вряд ли можно считать серьезным, тем более, что Пален заимствовал его у тех, кто полагал, что искусственное разделение волостными границами кочевников одного рода привело к разрушению “родового начала” и соответственно – снижению роли обычного права (адата) в жизни номадов. Мы считаем такой тезис, мягко говоря, сомнительным, так как границы волостей в Туркестане были условны для номадов в такой же мере, как и границы, существовавшие в Центральной Азии в советский период. Их можно было пересекать свободно и в любом направлении, без всяких на то последствий. Вряд ли они мешали кочевникам ощущать родовое единство, которое и в наше время сильно под названием “трайбализма”, причем, сородичи часто живут разрозненно, но, тем не менее, достаточно сильно ощущают принадлежность к своему “трайбу”, что не может не сказываться как на государственной, так и общественно-политической жизни, например, в Казахстане или Кыргызстане. Ниже мы еще выскажемся по поводу роли “разграничения” в процессе “шариатизации” кочевого судопроизводства в рассматриваемый период, а пока заметим, что Пален считал, что у кочевников Туркестана была альтернатива шариатизации, отмечая, что “в период кризиса народного правосознания население было поставлено в возможность обратиться к русским законам”⁷. Но была ли она реальной? Пален сам сомневался в этом и писал о том,

⁵ *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Правовой быт туземного населения / К.К. Пален. СПб., 1910. С. 83.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

что можно было бы распространить русские законы на “киргизов”, но они “рассчитаны на оседлое, а не на кочевое население”¹. Но тогда возникает вопрос: почему оседлое население Туркестана (“саргы”) не обратилось к ним вместо своего шариатского суда? Однако в любом случае Пален писал, что, несмотря на кризис обычного права (адата) соответствующего судопроизводства у “киргизов”, его надо всемерно сохранять как противовес наступлению шариата на правовое сознание кочевников².

Мы специально привели выше мнения официальных лиц по вопросу о “шариатизации” судопроизводства кочевников по обычному праву (адату), поскольку и Гирс, и Давлетшин, и Пален были прежде всего правительственными чиновниками. Но эта проблема волновала и иные категории людей.

Помощник военного губернатора Сырдарьинской области, полковник Н. Дингельштедт писал в 1892 г. о том, что большой ошибкой русского правительства в Туркестане было то, что оно позволило “проникнуть шариатским тенденциям в среду совершенно еще в то время индифферентного в религиозном отношении киргизского (кочевого – А.С.) народа”³. Дореволюционный российский правовед И.В. Аничков указывал, что “народный обычай у нас в Туркестане, так называемый адат, у интересующего нас кочевого населения находится под большим влиянием шариата и переживает в настоящем переходное время, поглощаясь постепенно шариатом, так как мусульманство уже проникло в мировоззрение кочевого населения”⁴. Он был прав в том, что за отсутствием государственного регулирования процесса перехода кочевников к оседлости за него это делает шариат, приспособившая их “к той форме землепользования, которая основана на искусственном орошении”⁵. По мнению Аничкова, отсутствие законодательного регулирования “оседания” кочевников есть серьезный “пробел” в “Туркестанском положении” 1886 г.⁶ Аничков писал о том, что русским властям Туркестана надо понять, что “не игнорирование адата с шариатом, напротив, изучение первого и борьба с последним – вот задача русского законодательства”⁷. Он предостерегал о том, что

“на наших глазах происходит завоевание шариатом кочевого населения, лучшим проводником которого служит, безусловно, народный суд, действующий по народным обычаям и ускользающий от воздействия русских начал”⁸. Современник Аничкова, исследователь обычного права кочевников Туркестана Н. Малышев указывал, что “усиление шариата среди киргиз в высшей степени нежелательно. Адат, народный обычай, есть продукт народного творчества, продукт жизненный и способный к улучшению и прогрессу при дальнейшем развитии народного кругозора... Шариат, имея основой неподвижный Коран, заключающий в себе альфу и омегу мусульманской мудрости, есть материал мертвый, ни к развитию, ни к уступке неспособный.... помимо усиления фанатизма Коран влечет за собой косность, которой отличаются все мусульмане”⁹. Он отмечал, что уже при обсуждении в Государственном совете проекта “Степного положения” 1891 г. отмечалось, что “муллы степные обнаруживают стремление разбирать брачные и семейные дела, руководствуясь при этом не обычаями народа, а шариатом”¹⁰. Знаток “степного” права Я.И. Гурлянд указывал в 1904 г. на то, что “народным преданиям – адатам – пришлось сильно бороться с мусульманским правом – шариатом, которое завоевывало себе все больше и больше приверженцев среди киргиз”¹¹. Он отмечал, что в Туркестанском крае киргизы уже обращаются “для решения тяжёлых вопросов к казию, а не бию... но огромное большинство киргизов все еще живет по адату и судится по древним киргизским законам, основанным на их обычном праве, составленном в XVII веке”¹². Известный российский правовед А. Зуев писал в 1907 г. о том, что шариат все более активно наступает на “киргизское” обычное право (адат), но встречает сопротивление со стороны последнего. По его мнению, “отпор со стороны киргиза навязчивому нашествию шариата был бы, может быть, и еще успешнее, если бы, надо в том сознаться, мы сами этому не мешали”¹³. Зуев отмечал, что нормы шариата стали все чаще проникать в “эреже” съездов кочевых судей-биев. Известный государственный и общественный деятель Русско-

¹ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Правовой быт туземного населения / К.К. Пален. СПб., 1910. С. 84.

² Там же.

³ Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане / Н. Дингельштедт. Б.м., 1892. С. 72.

⁴ Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана: сб. ст. Ташкент, 1899. С. 38.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана: сб. ст. Ташкент, 1899. С. 42.

⁹ Малышев Н. Обычное семейное право киргизов / Н. Малышев. Ярославль, 1902. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие / Я.И. Гурлянд. Казань, 1904. С. 108.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Зуев А. Киргизский народный суд / А. Зуев // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. С. 171.

го Туркестана В.П. Наливкин писал в 1913 г. о том, что “киргиз того времени (XIX в. – А.С.) допускал некоторое влияние шариата на свою жизнь в области одной только религии, к которой он относился довольно безразлично, в большинстве случаев не зная даже тех молитв, из которых состоит обязательный для каждого мусульманина *намаз*. Во всех остальных случаях своей семейной, общественной и юридической жизни он, невзирая на номинальное принятие ислама, *безусловно отрицая шариат*, по-прежнему руководствовался *адатом*, народным, из поколения в поколение устно передававшимся *обычаем*, не имеющим ничего общего с мусульманским кодексом, ибо *адат* возник в ту отдаленную эпоху, когда тюрко-монголы были еще язычниками” (курс. наш – А.С.)¹. При этом он, однако, отмечал, что приверженность кочевников Туркестана своему обычному праву (адату) и пренебрежительное отношение к шариату “мозолили глаза сонму сартовских книжников, которые издавна делали попытки просветить киргиз и обратить их в истых мусульман, но попытки эти по большей части имели лишь самый незначительный успех”². Наливкин особо подчеркивал то обстоятельство, что адаптация “киргизов” к исламу и шариату шла более там, где они близко соседствовали с оседлым населением, имели с ними общие дела, а часто и роднились с “сартами”. То есть фактически признавал все то, о чем писали Гирс, Давлетшин, Пален, Дингельштедт и проч.

Вышеприведенные мнения о “шариатизации” судопроизводства кочевников Туркестана по обычному праву (адату), безусловно, представляют значительный интерес для исследователя, однако они, на наш взгляд, все же не вскрывают глубинную сущность рассматриваемой проблемы. Но, прежде чем высказать собственные суждения о ней, считаем нелишним привести соображения казахских авторов по данному поводу. Выдающийся российский путешественник, исследователь Центральной и Средней Азии Ч. Валиханов писал в “Записке о судебной реформе” о том, что “апостолом Магомета в Сибирской Степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при Окружных Приказах”³. Валиханов откровенно упрекал Сперанского за то, что тот был “распространителем такого невежественного и дикого учения”⁴.

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 48–49.

² Там же. С. 49.

³ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе / собр. соч. в 5-ти т. Т. 4 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. С. 99.

⁴ Там же. С. 99.

Он отмечал, что кроме этого на кочевников “Степи” вредно влияют проповедники мусульманства из татар и “бухарцев”. Из приведенного следует, что Валиханов винил во всем исламизацию кочевников Туркестана.

Современный казахский исследователь Ш. Кусаинов разделяет такую точку зрения, указывая, что еще в XV в. хан Абулхайр пытался навязать казахам шариат, однако они воспротивились, указывая, что, по шариату, “человека надо бить палками по спине. Воры и клятвопреступники есть и среди нас, но нет в нашем народе мужчины, который согласится на такое унижение. Разве мы рабы? Разве не будет преступник достаточно наказан, если, согласно нашим законам, он заплатит кун и тем самым возместит убыток пострадавшим?”⁵. Это очень похоже на легенду, придуманную позже, но она близка к исторической истине, согласно которой в указанные времена гордые и свободолюбивые кочевники не терпели произвольного насилия над собой. Известно, что во второй четверти XIX в. хан Букеевской Орды Джангир тоже пытался силой (не без ведома царских властей) привить номадам ислам и шариат. Народ загоняли нагайками в мечети, построенные на деньги Российского православного христианского государства, так как императрица Екатерина II посчитала необходимым обратить кочевников “Великой степи” в ислам и приложила немало усилий и средств на этом поприще, поощряя миссионерскую деятельность татар среди кочевников. Предводители некоторых казахских родов и племен даже подавали жалобы царским властям на насильственные действия Джангира, но без успеха. Факты такого рода, видимо, дали основания казахской советской исследовательнице А. Джакиповой право утверждать о том, что, “говоря о судопроизводстве того времени, следует иметь в виду, что наряду с шариатом, основанном на исламской религии, сохраняло свое значение и обычное право казахов – адат... правда, исламу приходилось приспосабливаться к веками сложившемуся обычному праву”⁶. Нам такое заявление представляется, по меньшей мере, странным. Если следовать логике Жакиповой, то “наряду” означает подчиненность иных тому, “наряду” с чем они действуют. Но тогда шариат только проникал в кочевое судопроизводство по адату, а, значит, это он был “наряду” с ним, а не наоборот. Это первое. Второе. Любопытно, как мог ислам “приспосабливаться” к обычному праву? К судопроизводству,

⁵ Кусаинов Ш. Казахи: колесо и стремени истории / Ш. Кусаинов. М., 1998. С. 17.

⁶ Жакипова А. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане / А. Жакипова. Алма-Ата, 1971. С. 19.

возможно, но к обычному праву? Мы полагаем, что, наоборот, обычное право (адат) казахов приспособлявали к исламу, как, например, в “Жеты Жаргы”, содержащей норму о наказании за богохульство и приверженности к христианству. Об этом писали видные казахские советские историки обычного права, по мнению которых “усилиями биев” в казахское обычное право стали проникать нормы шариата, поскольку ислам уже достаточно укоренился в среде кочевников, в связи с чем уже в “законах хана Тауке” (“Жети-Жаргы”) содержалось шариатское установление: “Богохульника, избличенного семью свидетелями, должны убивать камнями. Ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все имение”¹. Тем не менее, мы с сомнением относимся к утверждению советского исследователя Т.С. Саидбаева о том, что шариат играл “огромную роль в жизни казахов” с первой половины XIX в. и ни в чем не противоречил их обычному праву (адату)².

На наш взгляд, и эти мнения не отвечают на вопрос: на какой сущностной основе происходила “шариатизация” обычного права и судопроизводства номадов Туркестана? Есть основание полагать, что это был объективный процесс, обусловленный, прежде всего, социально-экономическими обстоятельствами разложения патриархального (родоплеменного) кочевого строя в Туркестане. Было бы ошибочным связывать его с приходом России в Центральную Азию. Процесс имущественной (классовой) дифференциации кочевых сообществ региона начался гораздо ранее. Присоединение к России послужило катализатором разложения родоплеменного (патриархального) строя. Главным в данном случае был экономический фактор. Формирование института частной собственности требовало новых способов правового регулирования. Обычное право (адат) не знало такого института, а потому на его основе “кочевые” суды не могли решать дела, с ним связанные. И поэтому им приходилось прибегать к нормам мусульманского права (шариата). И это была *объективная необходимость*, а не чье-то субъективное желание – ханов, баев, биев, манапов и т. д. Поэтому сближение шариата с адатом имело место, прежде всего, там, где кочевые сообщества соседствовали с оседлыми, причем не просто сосуществовали рядом, а тесно сотрудничали в хозяйственно-эконо-

мической сфере, о чем писали видные советские знатоки обычного права (адата) Туркестана³.

Безусловно, в таком сотрудничестве было немало региональной специфики. Но диалектика взаимоотношений категорий общего, единичного и особенного позволяет нам говорить об общих закономерностях рассматриваемого здесь процесса. Поэтому мы обратимся к эволюции такого же процесса на Кавказе – регионе во многом близком с Центральной Азией.

Сходство ситуации заключалось в том, что на Кавказе, среди так называемых “горских” народов, проблема соотношения обычного права (адата) и мусульманского права (шариата) стояла не менее остро, нежели в Туркестане. Точно так же на Кавказе имело место как мирное сосуществование адата с шариатом, так и агрессивное наступление последнего против обычного права горцев. Журнал “Наука и религия” в статье об имаме Шамиле пишет: “Год за годом Шамиль заменял неписанное горское право адат законами, основанными на шариате, умело соединял их с добрыми местными обычаями. Среди важнейших его деяний – отмена рабства, противного мусульманской идее о равенстве всех людей”⁴. Однако, по мнению большинства исследователей судопроизводства “горских” народов Кавказа, чаще всего их адаты и шариат сосуществовали, причем, в необходимых случаях дополняя друг друга. Это дает основания говорить о проблеме “смешанных” (адатно-шариатских) судов в данном регионе. Российский “кавказовед” И.Л. Бабич пишет о том, что большинство народов Кавказа, присоединенных к Российской империи, были адептами ислама, но судопроизводство в основном строилось у них на основе горского обычного права – адата, но и с применением норм шариата⁵. Исследователь М.Н. Абдуллаев, рассматривая проблему “смешанных” (адатно-шариатских) судов на Кавказе, пишет о том, что в регионе имел место “биюриджизм – уникальный опыт XIX века”⁶. О том же пишет и исследователь П.И. Магаяева, отмечавшая, что “не только в суде по

³ См.: История государства и права Казахстана. Ч. 1. Алма-Ата, 1954. С. 7.

⁴ Шамиль // Наука и религия / Шамиль. 1996. № 6. С. 29.

⁵ Бабич И.Л. История государственно-религиозного взаимодействия в мусульманских регионах России в конце XVIII – начале XX в. (на примере народов Кавказа) / И.Л. Бабич // История государства и права: научно-правовое издание. 2009. № 13. С. 13.

⁶ Абдуллаев М.Н. Традиционная система права и проблемы нормативного регулирования межэтнических отношений в Дагестане / М.Н. Абдуллаев // История государства и права: научно-правовое издание. 2011. № 21. С. 43.

¹ Цит. по: Дюков Л.В. и др. История государства и права Казахской ССР. Т. 1 / Л.В. Дюков, К.А. Жиренчин, Г.С. Сапаргалиев, А.Н. Таукелев. Алма-Ата, 1982. С. 65.

² Саидбаев Т.С. Ислам и общество: опыт историко-социологического исследования / Т.С. Саидбаев. М., 1978. С. 95.

адату, но и в шариатском суде, проходившем при обязательном участии эфенди (духовного судьи), первое место принадлежало Бию, и его решение могло быть окончательным¹. Большинство исследователей адатов и шариата у горцев Кавказа придерживается мнения о том, что им все-таки было ближе обычное право. Советский правовед Б.А. Гарданов указывал, что, у кабардинцев в XIX в. “нормы шариата были, в ряде случаев, гораздо более тягостными для народных масс, чем нормы адата. Вот почему народные массы выступали против введения шариата”. Гарданов пояснял: “Дело в том, что основные нормы обычного права были хорошо известны народу, в то время как знание “правил шариата” были исключительной привилегией и монополией мулл². Исследователь Д.В. Юрков пишет о том, что до вхождения Северного Кавказа в состав России “адат северокавказских горцев являлся классическим примером традиционного неписанного права. Каждый из народов Северного Кавказа, включая горских евреев, на протяжении своего исторического пути выработал собственный адат. Адат действовал на Кавказе до появления и утверждения шариата и в дальнейшем параллельно с ним³. Это свидетельствует о том, что исламский религиозный фактор на Кавказе, как и в Центральной Азии, не был определяющим в приверженности людей к тем или иным формам судоустройства и судопроизводства. Все кочевники Туркестана были тоже мусульманами, но основой их судопроизводства бы-

ло обычное право – адаты. Что касается шариата, то его нормы применялись в “адатном” судопроизводстве как некие “вкрапления”. То же, как мы видим, имело место в большинстве случаев и в судах горцев Кавказа по их обычному праву (адату)⁴.

Вышеприведенное позволяет прийти к выводу о том, что в судопроизводстве кочевых народов Центральной Азии по их обычному праву (адату) в рассматриваемый период (и до него) имелось немало “вкраплений” из шариата. Однако, несмотря на многие оценки этого явления как в дореволюционный, так в советский и постсоветский периоды, процесс этот носил объективный характер и был обусловлен диалектикой изменений в экономической жизни кочевников Туркестана, в связи с их адаптацией к условиям единого общероссийского экономического пространства (рынка). Их следствием стала адекватная рефлексия в духовной жизни и сознании кочевников региона. Рост и распространение влияния института частной собственности в их среде требовал перехода от старых форм правового регулирования имущественных отношений к новым. Таким образом на смену нормам обычного права (адата) кочевых народов Центральной Азии в необходимых случаях приходили соответствующие установления мусульманского права (шариата), поскольку переход от указанных норм к общероссийскому (например, мировому) судопроизводству был, по понятным причинам, затруднительным. Подтверждением общих закономерностей “шариатизации” судов кочевников Туркестана по их обычному праву (адату) являются приведенные в статье сходные примеры из “горского” судопроизводства Кавказского региона.

¹ Магаяева П.И. Привилегии карачаевской знати в первой половине XIX в. / П.И. Магаяева // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 145.

² Материалы по обычному праву кабардинцев: первая половина XIX в. Нальчик, 1956. С. 17, 18.

³ Юрков Д.В. Организация судебной власти на Северном Кавказе в 60–90-е годы XIX века / Д.В. Юрков // Образ жизни в России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., РУДН, 2007. С. 350.

⁴ См.: Яхтанигов З. Обычное право на Кавказе: вопросы источников, компиляции и рецепции / З. Яхтанигов // История государства и права: научно-правовое издание. 2008. № 24. С. 22–25.